

Чёрный конь резко остановился перед камышовыми зарослями.

Фу Цзюэчжи заставил себя успокоиться, но, увидев кровь на сырой земле, едва не перестал дышать.

Перед глазами потемнело.

Он одним движением спрыгнул с седла, однако ноги запутались в скошенном камыше, и высокая фигура неожиданно пошатнулась.

— В-ваше Высочество!

Прибывший следом стражник так перепугался, что язык начал заплетаться. Он подхватил князя и поспешно сказал:

— Княжеский супруг цел и невредим!

Фу Цзюэчжи приподнял веки, сжал тонкие губы и резко отбросил чужую руку.

Срочное донесение личной стражи пришло раньше, поэтому он уже знал, что Чжао Нань в безопасности.

Но, глядя на беспорядок перед собой, всё равно чувствовал холодный пот на ладонях.

Он прекрасно представлял, что здесь произошло.

Кадык дёрнулся.

Фу Цзюэчжи вспомнил, как прошлой ночью согласился взять Чжао Наня с собой.

Запоздалый страх стиснул грудь. Дыхание стало быстрым и едва заметно дрожащим.

Он боялся и того, что Чжао Нань пострадает, спасая человека, и того, что, увидев правду, тот окончательно от него отвернётся.

За свинцовыми тучами сверкнула молния. Глухой гром на мгновение осветил красивое лицо князя болезненной белизной.

Фу Цзюэчжи чуть опустил подбородок и посмотрел на хаотичные следы под ногами.

Голос охрип:

— Что я приказал?

— Как только что-либо произойдёт, немедленно отвезти княжеского супруга в резиденцию, не задерживаясь ни на мгновение.

Стражник позади с трудом сглотнул.

Его пробрал холод. Он рухнул на колени, поклонился до земли, а затем вытащил короткий клинок и одним движением отсёк себе указательный палец левой руки, принимая наказание.

— Прошу пощадить!

— Я гнал карету изо всех сил, но по дороге мы увидели Чжан Куня...

Он торопливо начал объяснять и уже хотел поднять голову, когда голос оборвался.

Фу Цзюэчжи давно ушёл вперёд.

Обычно безупречно прямая фигура сейчас казалась одинокой и подавленной. Он словно шёл выслушивать приговор.

Подойдя к Чжао Наню, который сжался среди камыша, князь молча опустился перед ним на одно колено.

Стебли вокруг качались на ветру, непрерывно шелестя.

Фу Цзюэчжи протянул руку, убрал назад прядь волос Чжао Наня и ладонью накрыл его мягкий затылок.

— Туаньтуань выглядит таким несчастным.

В глазах Чжао Наня стояла тонкая плёнка слёз. Он просто смотрел на Фу Цзюэчжи и молчал.

В воздухе висела водяная пыль.

Фу Цзюэчжи опустил взгляд. Пальцы дрожали, но он осторожно провёл ими по губам Чжао Наня, разжимая следы зубов.

— Ноги ослабли? Устал?

Подушечка пальца скользнула по покусанной губе. Чжао Нань вздрогнул — рука была пугающе холодной.

Только теперь он перестал притворяться бодрым.

Обычно приподнятые уголки губ опустились. Он выглядел растерянным и по-детски обиженным.

— Угу.

Даже голос был тихим и дрожал.

Наконец-то ответил.

Фу Цзюэчжи будто получил помилование.

Широкие плечи расслабились. Он облегчённо выдохнул, почти потеряв контроль, но всё же удержал последнюю натянутую струну сознания и тихо спросил:

— Тогда я понесу Туаньтуаня. Хорошо?

После всего увиденного Чжао Нань держался лишь силой воли. Иначе давно бы рухнул прямо в мокрую землю.

Он совершенно вымотался, опустил глаза, кивнул и протянул руки.

Фу Цзюэчжи сразу крепко обнял его, одной рукой поддержал под коленями и поднял к груди.

Объятие было таким сильным, что Чжао Наня буквально прижало к нему.

Фу Цзюэчжи низким голосом приказал:

— Спрятать Чжан Куня в лечебном управлении. Оставить людей охранять и ухаживать за ним.

— Накануне праздника доставить его вместе со стражниками рода Цуй в Далисы.

Небо окончательно потемнело.

Начался ливень. Крупные капли с грохотом били по крыше кареты.

Внутри горела лампа, и тёплый свет делал небольшое пространство почти уютным.

Чжао Нань сидел наполовину на коленях у Фу Цзюэчжи. Обе руки были пойманы в его ладони, а тёплый влажный платок медленно стирал с кожи засохшую кровь.

Привычный аромат сосновой смолы исчез.

В воздухе пахло кровью, и Чжао Нань не понимал, с него самого она исходит или от Фу Цзюэчжи.

Он опустил взгляд, наблюдая, как князь вытирает кровь между его пальцами.

Глаза внезапно защипало.

Перед Фу Цзюэчжи его слабость словно вообще не умела прятаться.

— Прости.

Голос сорвался.

Воздух в карете будто застыл.

Фу Цзюэчжи поднял его за подбородок.

— За что ты извиняешься?

— Туаньтуань ничего не сделал неправильно.

Такое безоговорочное принятие застало Чжао Наня врасплох.

Он широко распахнул глаза. Под напором эмоций выражение лица словно рассыпалось.

— У тебя был свой расчёт, но я... кажется, разрушил твой план.

За короткий час он успел и испугаться, и отчаянно понервничать. В носу защипало, речь стала бессвязной:

— Но у Чжан Куня было столько крови... он лежал у дороги. Я увидел его. Он смотрел прямо на меня...

— Он сказал: «Спаси меня»... Он... он хотел жить...

Взгляд Чжао Наня опустел. Он будто уже не понимал собственных слов и только растерянно повторял:

— В тот момент он точно хотел жить...

Фу Цзюэчжи закрыл глаза и тяжело выдохнул от боли за него.

Он наклонился и прижался лбом ко лбу Чжао Наня.

— Хороший мой Туаньтуань.

— Наш Туаньтуань правда ничего не сделал неправильно.

Тёплое дыхание смешалось.

Фу Цзюэчжи обнимал его так крепко, что начали ныть кости.

Но голос оставался спокойным, снисходительным и надёжным, перекрывая шум дождя:

— Это мне следует просить у Туаньтуаня прощения.

Он поглаживал дрожащую спину Чжао Наня и мягко, почти по-старшему наставлял:

— Сердись на меня за то, что ничего тебе не объяснил. За то, что не обсудил с тобой.

Фу Цзюэчжи коснулся горячего уголка его глаза.

Лицо оставалось спокойным и сдержанным.

— Передо мной Туаньтуаню никогда не нужно извиняться.

Снаружи лил проливной дождь, а глаза Чжао Наня тоже окончательно размыло влагой.

Сегодня он истратил все душевные силы. После этих слов стало ещё тяжелее, и он, сам не понимая зачем, начал путано выкладывать Фу Цзюэчжи всё, что накопилось внутри.

— Кто-то говорит мне, что ты очень хороший. Кто-то — что очень плохой.

Чжао Нань опустил голову, пытаясь успокоиться, чтобы голос не дрожал так сильно.

— Раньше я тоже думал, что ты очень-очень хороший. А сегодня показалось... что немножко плохой.

Он совершенно не скрывал появившуюся между ними занозу.

И лишь дойдя до этой фразы, окончательно сломался:

— Это так сложно...

— Я больше тебя не понимаю...

Пальцы Фу Цзюэчжи, гладившие его волосы, остановились.

Свеча горела ярко, покрывая стенки кареты тёплым золотом.

Фу Цзюэчжи бережно провёл по покрасневшему уголку глаза, затем потёр подушечки пальцев, словно удерживая остаточное тепло.

— Так трудно, да?

Он заключил Чжао Наня в объятия. В глазах лежала тяжесть, но терпения было ещё больше.

— Тогда, когда станет трудно, просто позови меня по взрослому имени.

— Я сам всё объясню Туаньтуаню. И тогда ты поймёшь.

Взрослому имени?

Какому ещё имени?

Чжао Нань от всей этой мягкой заботы почти забыл, что только что плакал. Голова тоже перестала соображать.

Он поднял лицо и посмотрел в спокойные тёмные глаза.

— Илинъ.

Фу Цзюэчжи погладил его по щеке.

— Зови меня Фу Илинъ.

<http://bllate.org/book/19943/1983942>